Дата поступления рукописи в редакцию: 05.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-5-263-271

ДОРСКАЯ Александра Андреевна,

доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева,
профессор кафедры международного права
Российского государственного педагогического университета
им. А.И. Герцена,
SPIN-код: 9965-3211, AuthorID: 314268,
e-mail: adorskaya@yandex.ru

РЮЧИНА Софья Алексеевна,

студентка 4 курса бакалавриата
факультета подготовки специалистов для судебной системы
(юридического факультета) Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия
имени В.М. Лебедева,
e-mail: sonyaruchina163@gmail.com

ОГОВОРКА МАРТЕНСА: ПРИМЕНЕНИЕ НА ПРАКТИКЕ

Аннотация. *В статье на основе историко-правового анализа прослеживается эволюция оговорки Мартенса от её первоначальной формулировки на Брюссельской конференции 1874 года до признания в качестве императивной нормы jus cogens в современном международном гуманитарном праве. Особое внимание уделено вкладу выдающегося российского юриста-международника Ф.Ф. Мартенса, чья научная и дипломатическая деятельность, неразрывно связанная с Санкт-Петербургом, заложила фундамент одного из ключевых гуманитарных принципов. Исследуются доктринальные подходы к юридической природе оговорки, ее регулятивная и интегративная функции, а также правоприменительная практика международных и национальных судов. Обосновывается возрастающее значение оговорки Мартенса в условиях технологической эволюции средств ведения войны.*

Ключевые слова: *оговорка Мартенса, Ф.Ф. Мартенс, международное гуманитарное право, jus cogens, принципы гуманности, требования общественного сознания.*

DORSKAYA Alexandra Andreevna,

Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines
at the North-West Branch of the Russian State
University of Justice named after V.M. Lebedev,
Professor of the Department of International Law
at the Russian State Pedagogical University
named after A.I. Herzen

RYUCHINA Sofya Alekseevna,

Fourth-year undergraduate student
of the Faculty of Law
of the Faculty of Training Specialists for the Judicial System
at the North-West Branch of the Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev

MARTENS CLAUSE: APPLICATION IN PRACTICE

Annotation. *The article, based on historical and legal analysis, traces the evolution of the Martens clause from its original wording at the Brussels Conference of 1874 to recognition as a peremptory norm (jus cogens) in modern international humanitarian law. Particular attention is paid to the contribution of the outstanding Russian international lawyer F.F. Martens, whose scientific and diplomatic activities, inextricably linked with St. Petersburg, laid the foundation for one of the key humanitarian principles. It examines doctrinal approaches to the legal nature of the Martens clause, its regulatory and integrative functions, and the law enforcement practices of international and national courts. The increasing importance of the Martens clause in the context of the technological evolution of the means of warfare is justified.*

Key words: *Martens Clause, F.F. Martens, international humanitarian law, jus cogens, principles of humanity, requirements of the public conscience.*

Оговорка Мартенса была впервые сформулирована в ходе Брюссельской конференции 1874 года выдающимся юристом-международником Санкт-Петербурга Федором Федоровичем Мартенсом. Однако на данной конференции участники приняли ее лишь в качестве декларации, не имеющей обязательной юридической силы.

Через 25 лет в 1899 году оговорка Мартенса была закреплена в преамбуле II Гаагской конвенции [15] (затем с незначительными редакционными поправками в IV Конвенции 1907 г.) [3, с. 103; 16] уже как принцип, который подлежит обязательному соблюдению со стороны государств. Именно там она обрела свою классическую формулировку: «Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие стороны остаются под охраною и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания» [12, с. 1708-1709]. Размещение столь важного принципа именно в преамбуле, а не в основном тексте Конвенции, заслуживает отдельного комментария. Преамбулы международных договоров традиционно не создают конкретных обязательств, а лишь обозначают цели и намерения сторон. Здесь же произошло обратное: декларативная по форме часть документа стала источником общеобязательного правила. Такое юридико-техническое решение, по сути обусловленное остротой дипломатических разногласий, впоследствии оказалось на редкость удачным – оно позволило оговорке сохранить известную гибкость и не быть «запертой» в жестких рамках постатейных формулировок, рассчитанных на конкретные ситуации сухопутной войны

Важно сразу подчеркнуть, что вся научная и преподавательская карьера Федора Федоровича оказалась неразрывно связана с Санкт-Петербургом. Оставшись круглым сиротой в девять лет, он был определен в Сиротский приют при Евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра. «Вскоре за отличные успехи он был переведен в немецкую гимназию Св. Петра, которую и окончил успешно в 1863 г.» [6, с. 31]. Затем Ф.Ф. Мартенс окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, а позднее в течение более 30 лет преподавал и возглавлял в этом университете кафедру международного права [6, с. 33]. Именно здесь, в стенах Петербургского университета, формировалась та научная школа, которая дала миру один из ключевых принципов современного гуманитарного права.

Однако путь этого принципа от научной идеи до нормы международного права оказался неразрывно связан с конкретными дипломатическими обстоятельствами. Любопытно, что появление оговорки было во многом продиктовано сугубо прагматическими соображениями. На упомянутой Гаагской конференции 1899 года возникли серьезные разногласия по вопросу о статусе лиц, оказывающих сопротивление оккупационной армии. Малые государства настаивали на признании за населением права на вооруженное сопротивление, в то время как великие державы видели в этом угрозу легитимации иррегулярных формирований. Судьба ключевого договора висела на волоске, и именно Ф.Ф. Мартенс предложил компромиссную формулировку, дополнившую преамбулу конвенции и позволившую снять наиболее острые противоречия. Так дипломатическая «уловка» превратилась в нерукотворный памятник российской науке международного права.

Однако успех компромисса, предложенного Мартенсом, невозможно объяснить исключительно юридической техникой или личными качествами автора. Он стал возможен также благодаря особенностям дипломатической культуры конца XIX столетия, в которой фигура авторитетного ученого-международника могла играть роль посредника между государствами с принципиально различными интересами. Мартенс выступал на Гаагской конференции не только как представитель России, но и как признанный эксперт, чьи научные труды были известны участникам переговоров. Это сочетание дипломатического статуса и академической репутации позволяло ему предлагать формулировки, воспринимавшиеся не как позиция одной из сторон, а как результат объективного научного анализа. Этот эпизод наглядно иллюстрирует ту роль, которую академическая традиция способна играть в развитии международного права.

К слову, в современной историко-правовой литературе все чаще говорят о «Санкт-Петербургской школе международного права», у истоков которой стоял именно Мартенс. Как отметил в свое время В.С. Иваненко, посвятивший этой школе многолетнее исследование [5], «профессор Ф.Ф. Мартенс первым сформировал научную школу международного права, по праву носящую его имя – «школа Мартенса»» [4, с. 79]. И оговорка Мартенса – лишь одно из наиболее ярких тому подтверждений.

Что же касается собственно содержания оговорки, то в Большой российской энциклопедии оговорка охарактеризована как «общее положение, превращающее обычаи, установившиеся во взаимоотношениях между цивилизованными нациями, законы гуманности и требования общественного сознания в правовое мерило, применяемое там и тогда, где и когда конкретные положения конвенции не охватывают конкретные случаи» [17].

Изначально оговорка Мартенса создавалась для применения ее, как уже было отмечено ранее, к конкретному виду боевых действий – сухопутной партизанской войне. «Однако, будучи выдвинутой применительно к конкретному правилу ведения войны, она с самого начала вышла далеко за пределы этой цели и приобрела всеобъемлющий характер» [7, с. 160]. Такое развитие событий представляется закономерным, учитывая разнообразие способов ведения войны, а «распространение оговорки Мартенса на все правила вооруженных конфликтов позволяет обеспечить справедливое и гуманное обращение с гражданскими лицами, участвующими в конфликте» [9, с. 295]. Таким образом, зародившись как частное решение для конкретного вида боевых действий, оговорка Мартенса довольно быстро трансформировалась в универсальную правовую гарантию, содержание которой требует отдельного анализа.

Суть данной гарантии заключается в том, что гражданское население, являющееся менее защищенной категорией субъектов в ходе вооруженных конфликтов, подлежит автоматической защите со стороны международного права, и даже при отсутствии материальных норм должны применяться принципы международного права, исходящие из идей гуманизма. Иными словами, этот принцип срабатывает именно тогда, когда конкретный эпизод боевых действий оказывается в «правовом вакууме» – не урегулированным ни международными договорами, ни национальными законами воюющих сторон.

Указанное свойство оговорки Мартенса – способность действовать за пределами нормативных предписаний – предопределило и ее восприятие в доктрине как принципа универсального характера. Е.Е. Амплеева, характеризуя место оговорки в системе международного гуманитарного права, отмечает, что «оговорка Мартенса существует на практике для более успешной реализации норм МГП как специальный универсальный гуманитарный принцип, который действует во всякое время, повсеместно и при любых обстоятельствах, поскольку отражает обычаи ведения войны «цивилизованных народов мира»» [1, с. 551]. Подтверждением является включение ее различных интерпретаций в такие международные договоры и дополнения к ним, как Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года [18], резолюция XXIII, принятая на Тегеранской конференции по правам человека 1968 года [19], Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия 1980 года [20], Женевские конвенции 1949 года и дополнительные протоколы к ним [21; 22; 23; 24; 25; 26].

Поскольку оговорка Мартенса раз за разом включалась в тексты основополагающих договоров по международному гуманитарному праву, закономерно встал вопрос о том, какое же место она занимает в общей иерархии международно-правовых норм. Сегодня в доктрине и практике за ней все чаще признают статус *jus cogens* – императивной нормы, обязательной для любого государства, независимо от того, участвует оно в конкретном соглашении или нет. (Как указывает КМП ООН, «императивные нормы общего международного права (jus cogens) отражают и защищают основополагающие ценности международного сообщества, стоят в иерархическом отношении

выше других норм международного права и являются универсально применимыми» / Доклад Комиссии международного права на семьдесят первой сессии Генеральной Ассамблеи (29 апреля – 7 июня и 8 июля – 9 августа 2019 года) (A/74/10) С. 172 // ООН. URL: https://documents.un.org/symbol-explorer?s=A/74/10&i=A/74/10_2398085 (дата обращения: 20.04.2026).

Это обстоятельство объясняется в том числе тем фактом, что основные нормы международного гуманитарного права вошли в представленный в 2022 году Комиссией международного права ООН неисчерпывающий перечень из 8 норм, имеющих статус императивных (Этот перечень включает: 1) запрещение агрессии; 2) запрещение геноцида; 3) запрещение преступлений против человечности; 4) основные нормы международного гуманитарного права; 5) запрещение расовой дискриминации и апартеида; 6) запрещение рабства; 7) запрещение пыток; 8) право на самоопределение / Доклад Комиссии международного права на ее семьдесят третьей сессии (18 апреля — 3 июня и 4 июля — 5 августа 2022 года) // UN Docs. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g22/448/50/pdf/g2244850.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

Сам факт того, что Комиссия международного права ООН при составлении перечня императивных норм во многом отталкивалась от идей, заложенных еще в оговорке Мартенса, лишний раз подтверждает: без этого принципа трудно представить формирование самой иерархии норм международного права. Однако признание оговорки Мартенса императивной нормой *jus cogens* имеет еще одно важное следствие. Оно подтверждает принципиальную «неисчерпаемость» гуманитарного права – его способность предоставлять защиту даже в тех ситуациях, которые не были и не могли быть предусмотрены создателями писаных норм. В отличие от большинства договорных положений, рассчитанных на конкретные виды вооружений или способы ведения войны, оговорка Мартенса носит открытый характер. Ее содержание не исчерпывается перечнем запретов или дозволений, а задает общую гуманитарную ориентацию, позволяющую праву вооруженных конфликтов адаптироваться к меняющимся условиям без утраты своих основополагающих ценностей.

В науке международного права на протяжении многих лет ведутся дискуссии относительно юридической природы оговорки Мартенса. Спектр высказываемых в научной литературе мнений весьма широк и включает в себя как сугубо интерпретационные, так и правообразующие трактовки. Известный итальянский юрист А. Кассезе усматривает в оговорке двоякое юридическое значение. «Во-первых, она может действовать на уровне толкования: в случае сомнений нормы международного гуманитарного права должны толковаться в соответствии со стандартами гуманности и требованиями общественного сознания. Во-вторых, оговорка Мартенса хотя и действует в рамках существующей системы источников международного права, ее применение могло бы способствовать снижению – применительно исключительно к конкретной области гуманитарного права – требований к *usus*, и в то же время приданию *opinio* (*juris* или *necessitas*) большей, чем это обычно принято, значимости» [11, с. 187, 214].

Р. Тайсхёрст видит в оговорке Мартенса своеобразный мост между позитивными нормами, регулирующими вооруженные конфликты, и естественно-правовой традицией. Он пишет: «Одна из причин, которая привела к снижению значимости естественного права, заключалась в его полной субъективности. Каждая из противоборствующих сторон использовала неоднозначно толкуемые нормы естественного права для оправдания своей позиции. Оговорка Мартенса же устанавливает объективный критерий, помогающий определиться в рамках естественного права, и этот критерий – требования общественного сознания» [16, с. 133]. По мнению Т. Мерона, оговорка Мартенса «стоит на страже обычного права и подкрепляет довод о том, что действия, не запрещенные договором напрямую, вовсе не обязательно являются правомерными. Действие оговорки распространяется на все разделы международного гуманитарного права, а не только на режим военной оккупации» [13, с. 87].

М. Солтер в своем исследовании более категоричен: он отмечает, что оговорка Мартенса представляет собой как «отдельный, четко выраженный правовой принцип, имеющий прямое и независимое применение», так и «независимый источник международного уголовного права» [15, с. 403]. При этом, как справедливо отмечается в доктрине, «различно толкуются и составные части оговорки Мартенса, особенно «принципы гуманности» («законы человечности») и «требования общественного сознания». Критические замечания сводятся к тому, что указанные понятия настолько расплывчаты и неопределенны, что их невозможно выразить в юридической норме» [14, с. 131-132]. Однако доктринальная полемика о точных дефинициях не должна заслонять главного: несмотря на сохраняющуюся терминологическую дискуссию относительно точных границ понятий «человечности» и «общественного сознания», сам

факт признания оговорки Мартенса действующим правовым регулятором сомнению не подлежит.

Уже с момента своего появления оговорка приобрела статус обычно-правовой нормы и была принята (полностью или частично) в других документах по международному гуманитарному праву. Суть оговорки, как уже также было сказано, заключается в том, что даже в ситуациях, не охваченных кодифицированными договорами, лица, затронутые вооруженными конфликтами, никогда не оказываются полностью лишенными защиты. В попытке свести многообразие доктринальных позиций к общему знаменателю отдельные исследователи условно выделяют три подхода: «узкий», «умеренный» и «широкий»: первый предполагает ее понимание в том смысле, что «обычное международное право продолжает применяться после принятия договорной нормы»; в рамках второго она «может служить для интерпретации текста действующего договорного права или для поддержки аргументации, основанной на его конкретных толкованиях, но сама по себе не поддерживает конкретные запреты»; третий заключается в том, что оговорка сама по себе может быть «независимым источником права» [8, с. 54-55].

Приведенная классификация отражает преимущественно формально-юридический взгляд на оговорку. Однако ее значение не исчерпывается инструментальной ролью в системе источников международного гуманитарного права. Современная доктрина справедливо обращает внимание и на то, что оговорка Мартенса выступает связующим звеном между правом и моралью. Как отмечается в одном из исследований, «оговорка Мартенса связывает позитивное и естественное право, право и мораль посредством инкорпорации в позитивное право таких категорий, как «закон человечности» и «веление общественной совести»» [2, с. 15]. По сути, в юридическую ткань международного гуманитарного права вшиты отсылки к нравственным категориям, которые невозможно полностью формализовать, но без которых защита человеческого достоинства на войне лишилась бы своего фундамента.

Практическое наполнение и конкретные контуры оговорки Мартенса наиболее отчетливо проявились в решениях международных и национальных судебных инстанций, которые наглядно продемонстрировали, каким образом абстрактные «законы человечности» трансформируются в конкретные правовые позиции. Так, исторически значимыми правоприменительными актами являются решения Международного Суда ООН и национальных судов, которые подчеркивали значимость оговорки. В частности, как отмечают исследователи, еще «в 1948 г. в знаменитом деле Круппа Уголовный трибунал, созданный в США, указал что «оговорка Мартенса представляет собой не просто ‘благое пожелание’, но правовое положение, применяемое в случае, когда специальные положения Гаагских конвенций и правил, служащих им дополнением, не покрывают специфические случаи военных действий или сопутствующих военным действиям»» [10, с. 21]. Дело Круппа примечательно не только тем, что американский трибунал квалифицировал оговорку Мартенса в качестве действующего правового положения. В нем Трибунал прямо указал на недопустимость низведения оговорки до уровня декларативного заявления. Тем самым было зафиксировано принципиальное различие между политическими декларациями, не порождающими юридических последствий, и оговоркой Мартенса, способной служить основанием для правовой оценки деяний. Это решение заложило основу для последующего обращения к оговорке как к полноценному инструменту судебной аргументации.

Следующим значимым фактом в «биографии» оговорки стало обращение к ней Международного Суда ООН. Когда в 1996 году Суд готовил консультативное заключение о правомерности угрозы ядерным оружием или его применения, он прямо сослался на оговорку Мартенса. Суд постановил, что «ни в обычном, ни конвенционном праве не содержится какого-либо конкретного разрешения угрожать ядерным оружием или применять его» [27], не дав, однако, при этом четкого ответа на поставленный перед ним вопрос. Примечательно, что в этом заключении Суд особо отметил, что оговорка Мартенса, впервые включенная в Гаагскую конвенцию 1899 года, «оказалась эффективным средством реагирования на быструю эволюцию военной техники» [27], что подтверждает ее динамичный и адаптивный характер.

В 1986 году, разбирая дело Никарагуа против США, Международный Суд ООН еще раз – хотя и не в прямой форме – обратился к оговорке Мартенса. Сославшись в пункте 218 своего решения на Женевские конвенции 1949 года (текст которых воспроизводит оговорку), Суд пришел к выводу, что оценка американским действиям в отношении Никарагуа может быть дана с позиции «основополагающих общих принципов гуманитарного права» [28].

Если в практике Международного Суда ООН оговорка Мартенса служила прежде всего для очерчивания общих границ правомерного поведения государств, то международные уголовные трибуналы обратились к ней как к инструменту непосредственной квалификации

деяний и толкования составов преступлений. В этом отношении особенно показательна практика Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ). В решении по делу Купрешкича (Kupre ki et al.) от 14 января 2000 года Трибунал подчеркнул, что оговорка Мартенса, как минимум, предписывает обращаться к принципам гуманности и велениям общественной совести всякий раз, когда норма международного гуманитарного права оказывается недостаточно строгой или точной, и что в таких случаях сфера и смысл нормы должны определяться со ссылкой на эти принципы и веления, что влечет за собой толкование дискреционных полномочий по нанесению ударов по комбатантам максимально ограничительно, а защиту гражданских лиц – расширительно [29]. Это решение, безусловно, укрепило позиции оговорки Мартенса именно как самостоятельного юридического довода, который может быть использован при квалификации деяний в международном уголовном правосудии.

Стоит заметить, что к оговорке Мартенса апеллируют не только на международном уровне. Суды отдельных государств тоже опирались на нее. Показательный пример – решение Конституционного суда Колумбии C-225/95. В нем отчетливо прослеживается тезис о том, что международное гуманитарное право не замыкается на межгосударственных войнах, а распространяется и на внутренние конфликты. Логика суда строилась на том, что соответствующие нормы носят императивный характер, а значит, обязательны для любой стороны конфликта, независимо от того, ратифицировала она конкретный договор или нет [30]. Решение Конституционного суда Колумбии представляет интерес и в ином аспекте. Оно демонстрирует, что оговорка Мартенса действует не только «по вертикали», восполняя пробелы в иерархии международно-правовых норм, но и «по горизонтали», распространяя стандарты гуманитарного права на вооруженные конфликты немеждународного характера. Для значительного числа государств, в которых внутренние противостояния происходят чаще межгосударственных войн, подобное толкование оговорки имеет существенное практическое значение.

Если попытаться обобщить рассмотренные примеры из практики международных и национальных судов, то станет видно, что оговорка Мартенса работает не в одном, а сразу в нескольких относительно самостоятельных режимах. Свести их к единому знаменателю довольно сложно, и в этом смысле разграничение ее функций представляется оправданным. Можно выделить две ключевые роли. Первая – регулятивная: оговорка действует как фундаментальный принцип самого МГП. Вторая – интегративная: здесь она выступает связкой между разными отраслями международного права, когда требуется максимально полно защитить гражданское население.

Обе эти функции – и регулятивная, и интегративная – сейчас, на фоне стремительного обновления арсенала средств войны, начинают открываться новыми гранями. Способность оговорки Мартенса «закрывать» нормативные пустоты и обеспечивать межотраслевую защиту личности дает основания говорить о том, что в XXI веке ее потенциал не исчерпан. Напротив, она все чаще оказывается в авангарде правового регулирования. Быстрое развитие технологий порождает новые виды оружия (от акустического до летательных автономных систем), меняет природу противостояния за счет кибервойн и внедрения искусственного интеллекта. Действующие нормы – на национальном, региональном или международном уровне – за этими переменами зачастую не поспевают. И как раз в такой ситуации потенциал оговорки Мартенса раскрывается в полной мере: она применима к любому типу вооруженного конфликта и позволяет заполнить образовавшиеся юридические лакуны.

И закончить бы хотелось тем любопытным наблюдением, которое в свое время сделал В.С. Иваненко в отношении оговорки Мартенса: чем больше появляется новых норм в области гуманитарного права, тем чаще юристы и дипломаты обращаются к положениям этой декларации более чем вековой давности [31]. В этой парадоксальной закономерности – лучшее доказательство того, что формальное регулирование не способно заменить нравственную основу, заложенную в оговорке ее автором. Эта нравственная основа имеет и вполне зримое воплощение в современном Петербурге – память о Ф.Ф. Мартенсе не ограничивается архивными упоминаниями: по инициативе В.С. Иваненко с 2000 года в Санкт-Петербургском университете проводятся масштабные международные «Мартенсовские чтения», а в 2003 году в здании факультета был установлен бюст ученого [32]. Так, петербургская школа международного права продолжает жить – в исследованиях, в студенческих аудиториях и, что важнее всего, в самом духе гуманитарного права, который Федор Федорович Мартенс сумел облечь в юридическую форму.

Список литературы:

[1] Амплеева Е.Е. «Оговорка Мартенса» как критерий нравственности и гуманизма в международном гуманитарном праве //

Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка: XX Международные Лихачевские научные чтения, Санкт-Петербург, 9-10 июня 2022 года. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2022. С. 551-552.

[2] Гиряева В.Н. Ренсманн Т. Гуманизация международного права через jus in bello – от оговорки Мартенса до “responsibility to protect” // Международное гуманитарное право и новые вызовы мировому порядку: реф. сб / Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. правоведения; отв. ред. Е.В. Алферова. М., 2009. С. 14-19.

[3] Глотова С.В. Преступления против человечности: генезис и современное понимание концепции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3(58). С. 101-108.

[4] Иваненко В.С. Научная школа международного права Императорского Санкт-Петербургского университета: понятие, признаки, достижения // Роль научных сообществ в развитии юридической теории и практики. СПб.: ЦНИТ «Астерион», 2024. С. 72-86.

[5] Иваненко В.С. Санкт-Петербургская школа международного права: место и роль Санкт-Петербургского университета, его ученых и выпускников в становлении и развитии науки и практики международного права: монография: в двух частях. Ч. 1: 1720-е – 1920-е гг. 3-е изд., существ. доп. СПб.: Юридический центр, 2024. 909 с.

[6] Иваненко В.С. Федор Федорович Мартенс – во и вне своего времени и пространства: взгляд через столетие // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 2(283). С. 31-36.

[7] Кукушкина А.В., Иойрыш А.И., Шишкин В.Н. Международное гуманитарное право и оговорка Мартенса // Закон и право. 2019. № 9. С. 159-163.

[8] Пузырева Ю.В. Оговорка Мартенса: роль в международно-правовом регулировании современных вооруженных конфликтов // Право: язык и коммуникация (памяти профессора В.М. Курицына): сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Москва, 19-20 декабря 2024 года. М.: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2025. С. 52-56.

[9] Смирнов М.Г. Оговорка Мартенса и ее международно-правовое значение // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 12-1. С. 294-303.

[10] Современный взгляд на учение профессора Мартенса / Т. Каменова, Р.А. Мюллерсон, У.Э. Батлер, С.В. Бахин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 2(283). С. 19-30.

[11] Cassesse A. The Martens Clause: Half a Loaf or Simply Pie in the Sky? // European Journal of International Law. 2000. Vol. 11. No. 1. P. 187-216.

[12] Ivanenko V. The origins, causes and enduring significance of the Martens Clause: A view from Russia // International Review of the Red Cross. 2022. Vol. 104 (920-921). P. 1708-1724.

[13] Meron T. The Martens Clause, Principles of Humanity, and Dictates of Public Conscience // The American Journal of International Law. 2000. Vol. 94. No. 1. P. 78-89.

[14] Pustogarov V.V. The Martens Clause in International Law // Journal of the History of International Law. 1999. Vol. 1. Iss. 2. P. 125-135.

[15] Salter M. Reinterpreting Competing Interpretations of the Scope and Potential of the Martens Clause // Journal of Conflict and Security Law. 2012. Vol. 17. No. 3. P. 403-437.

[16] Ticehurst R. The Martens Clause and the Laws of Armed Conflict // International Review of the Red Cross. 1997. No. 317. P. 125-134.

[17] Оговорка Мартенса // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/ogovorka-martensa-2edab6 (дата обращения: 20.04.2026).

[18] Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 года // СПС «Кодекс». URL: https://docs.cntd.ru/document/901753259 https://docs.cntd.ru/document/901753259 (дата обращения: 20.04.2026).

[19] Human Rights in Armed Conflicts. Resolution XXIII adopted by the International Conference on Human Rights. Teheran, 12 May 1968 // ICRC. URL: https://ihl-databases.icrc.org/assets/treaties/430-IHL-64-EN.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

[20] Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие от 10 октября 1980 года // СПС «Кодекс». URL: https://docs.cntd.ru/document/1901225 (дата обращения: 20.04.2026).

[21] Конвенция (I) об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (Женева, 12 августа 1949 года) // MKKK. URL: https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/gci-1949 (дата обращения: 20.04.2026).

[22] Конвенция (II) об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море (Женева, 12 августа 1949 г.) // MKKK. URL: https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/gcii-1949 (дата обращения: 20.04.2026).

[23] Конвенция (III) об обращении с военнопленными 1949 года // MKKK. URL: https://

ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/gciii-1949; Женевская конвенция (IV) о защите гражданского населения во время войны (Женева, 12 августа 1949 г.) // МККК. URL: https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/gciv-1949 (дата обращения: 20.04.2026).

[24] Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I), 8 June 1977 // ICRC. URL: https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/api-1977 (дата обращения: 20.04.2026).

[25] Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of Non-International Armed Conflicts (Protocol II), 8 June 1977 // ICRC. URL: https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/apii-1977 (дата обращения: 20.04.2026).

[26] Protocol additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Adoption of an Additional Distinctive Emblem (Protocol III), 8 December 2005 // ICRC. URL: https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/apiii-2005 (дата обращения: 20.04.2026).

[27] Advisory Opinion of 8 July 1996 “Legality of the threat or use of nuclear weapons” // International Court of Justice. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/95/7497.pdf (дата обращения: 20.01.2026).

[28] Judgment of 27 June 1986 (Case concerning military and paramilitary activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)) // International Court of Justice. // URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf (дата обращения: 20.01.2026).

[29] Решение МТБЮ по делу Prosecutor v. Kupre ki et al. // UN International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, п. 525-527. URL: https://www.icty.org/x/cases/kupreskic/tjug/en/ (дата обращения: 20.01.2026).

[30] Sentencia No. C-225/95 // Corte Constitucional de Colombia. URL: https://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/1995/c-225-95.htm (дата обращения: 20.01.2026).

[31] Иваненко В.С. Непреходящее значение оговорки Мартенса, её истоки, причины и последствия: взгляд из России // МККК. URL: https://www.icrc.org/ru/document/neprehodyashchee-znachenie-ogovorki-martensa-eyo-istoki-prichiny-i-posledstviya-vzglyad-iz (дата обращения: 20.01.2026).

[32] «Возродить имена и дела»: юристу СПбГУ присуждена премия имени Ф.Ф. Мартенса за исследование петербургской школы международного права // СПбГУ. URL: https://spbu.ru/news-events/novosti/vozrodit-imena-i-dela-yuristu-spbgu-prisuzhdena-premiya-imeni-f-f-martensa-za (дата обращения: 20.01.2026).

References:

[1] Ampleeva E.E. “The Martens Clause” as a Criterion of Morality and Humanism in International Humanitarian Law // Global Conflict and the Contours of the New World Order: XX International Likhachev Scientific Readings, St. Petersburg, June 9-10, 2022. St. Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2022. Pp. 551-552.

[2] Giryaeva V.N. Rensmann T. Humanization of International Law through Jus in Bello – from the Martens Clause to “Responsibility to Protect” // International Humanitarian Law and New Challenges to World Order: abstract of the collection / Center for Social Scientific and Information Research. Department of Jurisprudence; editor-in-chief E.V. Alferova. Moscow, 2009. Pp. 14-19.

[3] Glotova S.V. Crimes against humanity: genesis and modern understanding of the concept // Journal of foreign legislation and comparative law. 2016. No. 3 (58). Pp. 101-108.

[4] Ivanenko V.S. Scientific school of international law of the Imperial St. Petersburg University: concept, features, achievements // The role of scientific communities in the development of legal theory and practice. St. Petersburg: CNIT “Asterion”, 2024. Pp. 72-86.

[5] Ivanenko V.S. St. Petersburg school of international law: the place and role of St. Petersburg University, its scholars and graduates in the formation and development of the science and practice of international law: monograph: in two parts. Part 1: 1720s – 1920s. 3rd ed., existing add. St. Petersburg: Legal Center, 2024. 909 p.

[6] Ivanenko V.S. Fyodor Fyodorovich Martens – in and beyond his time and space: a look through the century // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2009. No. 2 (283). Pp. 31-36.

[7] Kukushkina A.V., Ioyrysh A.I., Shishkin V.N. International humanitarian law and the Martens Clause // Law and Right. 2019. No. 9. Pp. 159-163.

[8] Puzyreva Yu.V. The Martens Clause: its role in the international legal regulation of modern armed conflicts // Law: Language and Communication (in memory of Professor V.M. Kuritsyn): collection of scientific papers of the International scientific and practical conference, Moscow, December 19-20, 2024. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, 2025. Pp. 52-56.

[9] Smirnov M.G. The Martens Clause and its International Legal Significance // Issues of Russian and International Law. 2023. Vol. 13. No. 12-1. Pp. 294-303.

[10] A Modern View of the Teachings of Professor Martens / T. Kamenova, R.A. M llerson,

W.E. Butler, S.V. Bakhin // News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence. 2009. No. 2(283). Pp. 19-30.

[11] Cassesse A. The Martens Clause: Half a Loaf or Simply Pie in the Sky? // European Journal of International Law. 2000. Vol. 11. No. 1. Pp. 187-216.

[12] Ivanenko V. The origins, causes and enduring significance of the Martens Clause: A view from Russia // International Review of the Red Cross. 2022. Vol. 104 (920-921). P. 1708-1724.

[13] Meron T. The Martens Clause, Principles of Humanity, and Dictates of Public Conscience // The American Journal of International Law. 2000. Vol. 94.No. 1. P. 78-89.

[14] Pustogarov V.V. The Martens Clause in International Law // Journal of the History of International Law. 1999. Vol. 1. Iss. 2. P. 125-135.

[15] Salter M. Reinterpreting Competing Interpretations of the Scope and Potential of the Martens Clause // Journal of Conflict and Security Law. 2012. Vol. 17. No. 3. P. 403-437.

[16] Ticehurst R. The Martens Clause and the Laws of Armed Conflict // International Review of the Red Cross. 1997. No. 317. P. 125-134.

[17] The Martens Clause // Great Russian Encyclopedia. URL: https://bigenc.ru/c/ogovorka-martensa-2edab6 (date accessed: 20.04.2026).

[18] Convention respecting the Laws and Customs of War on Land of 18 October 1907 // SPS "Code". URL: https://docs.cntd.ru/document/901753259 https://docs.cntd.ru/document/901753259 (accessed: 20.04.2026).

[19] Human Rights in Armed Conflicts. Resolution XXIII adopted by the International Conference on Human Rights. Teheran, 12 May 1968 // ICRC. URL: https://ihl-databases.icrc.org/assets/treaties/430-IHL-64-EN.pdf (accessed: 20.04.2026).

[20] Convention on Prohibitions or Restrictions on the Use of Certain Conventional Weapons Which May Be Deemed to Be Excessively Injurious or to Have Indiscriminate Effects of 10 October 1980 // SPS "Code". URL: https://docs.cntd.ru/document/1901225 (accessed: 20.04.2026).

[21] Convention (I) for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field (Geneva, 12 August 1949) // ICRC. URL: https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/gci-1949 (accessed: 20.04.2026).

[22] Convention (II) for the Amelioration of the Condition of Wounded, Sick and Shipwrecked Members of Armed Forces at Sea (Geneva, 12 August 1949) // ICRC. URL: https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/gcii-1949 (date accessed: 20.04.2026).

[23] Convention (III) relative to the Treatment of Prisoners of War, 1949 // ICRC. URL: https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/gciii-1949; Geneva Convention (IV) relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War (Geneva, 12 August 1949) // ICRC. URL: https://ihl-databases.icrc.org/ru/ihl-treaties/gciv-1949 (access date: 04/20/2026).

[24] Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I), 8 June 1977 // ICRC. URL: https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/api-1977 (accessed 04/20/2026).

[25] Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of Non-International Armed Conflicts (Protocol II), 8 June 1977 // ICRC. URL: https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/apii-1977 (access date: 04/20/2026).

[26] Protocol additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Adoption of an Additional Distinctive Emblem (Protocol III), 8 December 2005 // ICRC. URL: https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/apiii-2005 (accessed 04/20/2026).

[27] Advisory Opinion of 8 July 1996 "Legality of the threat or use of nuclear weapons" // International Court of Justice. URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/95/7497.pdf (accessed on 20 January 2026).

[28] Judgment of 27 June 1986 (Case concerning military and paramilitary activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)) // International Court of Justice. // URL: https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf (accessed on 20 January 2026).

[29] ICTY Judgment in the case of Prosecutor v. Kupre ki et al. // UN International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, paras. 525-527. URL: https://www.icty.org/x/cases/kupreskic/tjug/en/ (date of access: 20.01.2026).

[30] Sentencia No. C-225/95 // Corte Constitucional de Colombia. URL: https://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/1995/c-225-95.htm (date of access: 20.01.2026).

[31] Ivanenko V.S. The Enduring Significance of the Martens Clause, Its Origins, Causes, and Consequences: A View from Russia // ICRC. URL: https://www.icrc.org/ru/document/neprehodyashchee-znachenie-ogovorki-martensa-eyo-istoki-prichiny-i-posledstviya-vzglyad-iz (date of access: 20.01.2026).

[32] "Reviving names and deeds": a lawyer from St. Petersburg State University was awarded the F.F. Martens Prize for his research into the St. Petersburg school of international law // St. Petersburg State University. URL: https://spbu.ru/news-events/novosti/vozrodit-imena-i-dela-yuristu-spbgu-prisuzhdena-premiya-imeni-f-f-martensa-za (date of access: 20.01.2026).